

Современная система исламского образования в Узбекистане в контексте институциональных реформ

Татьяна Павловна Прокопенко

Институт Китая и современной Азии РАН, Москва, Россия

tanya.ta4@yandex.ru

<https://orcid.org/0009-0003-5370-5741>

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена тем, что в последние годы в Узбекистане существенно обновились институциональная и нормативная основы исламского образования, однако эти изменения обычно рассматриваются исследователями фрагментарно — либо через отдельные учебные заведения, либо в более широком контексте государственной религиозной политики. В связи с этим требуется систематизация данных о современной структуре исламского образования страны, принципах ее организации и направлениях реформирования. Целью статьи и является такая систематизация данных о специфике современной системы исламского образования в Узбекистане, что позволяет уточнить, как реформы последних лет сформировали её нынешнюю институциональную конфигурацию. Заявленная цель предопределяет решение следующих задач: 1) проследить изменения институциональной структуры исламского образования в постсоветский период, уделив особое внимание реформам после 2017 г.; 2) выявить особенности обновления учебных планов и организационных решений в религиозных учебных заведениях; 3) обобщить основные ограничения и эффекты проводимых преобразований. Материалы исследования включают нормативно-правовые акты Республики Узбекистан, президентские указы и постановления, концептуальные документы в сфере религиозного образования, учебные планы исламских учебных заведений, официальные статистические сведения, материалы профильных учреждений, а также работы отечественных и зарубежных авторов. Методами исследования выступают качественный анализ документов, сравнительно-институциональный подход, контент-анализ образовательных программ и обобщение статистических данных. Результатом исследования стало установление того, что современная система исламского образования в Узбекистане представляет собой централизованную многоуровневую модель непрерывной подготовки, сочетающую конфессиональную традицию, опору на ханафитско-материдитское наследие, включение светских дисциплин, цифровизацию учебного процесса и усиленный государственный контроль. Выводы: 1) зафиксирован переход от разрозненной сети религиозных учебных заведений к институционально упорядоченной системе, координируемой профильными конфессиональными и государственными структурами; 2) выявлено нормативно закреплённое сочетание религиозных и светских дисциплин, а также расширение

женского и цифрового сегментов образования; 3) обобщены ограничения модели, связанные с кадровыми дефицитами, территориальной неравномерностью и административной зависимостью религиозного образования от государственной конфессиональной политики.

Ключевые слова: исламское образование, Узбекистан, религиозные реформы, матуридизм, государственно-религиозные отношения, религиозная модернизация

Благодарности: статья написана в рамках исполнения государственного задания центру «Государство и религия в Азии» ИКСА РАН FMSF-2025-0001 «Государственно-религиозные отношения в странах современной Азии: правовые, историко-культурологические, философско-теологические аспекты».

Для цитирования: Прокопенко Т. П. Современная система исламского образования в Узбекистане в контексте институциональных реформ // Концепт: философия, религия, культура. — 2026. — Т. 10, № 3. — С. 72–85. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2026-3-39-72-85>

Research article

Contemporary System of Islamic Education in Uzbekistan in the Context of Institutional Reforms

Tatyana P. Prokopenko

Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
tanya.ta4@yandex.ru <https://orcid.org/0009-0003-5370-5741>

Abstract. The relevance of the study stems from the fact that in recent years the institutional and regulatory foundations of Islamic education in Uzbekistan have been substantially renewed; however, these changes are usually considered only in a fragmented way, either through individual educational institutions or within the broader context of the state's confessional policy. This makes it necessary to systematize data on the current structure of Islamic education in the country, the principles of its organization, and the main directions of its reform. The aim of the article is to systematize data on the specific features of the contemporary system of Islamic education in Uzbekistan and to clarify how the reforms of recent years have shaped its current institutional configuration. This aim determines the following objectives: 1) to trace changes in the institutional structure of Islamic education in the post-Soviet period, with particular attention to the reforms introduced after 2017; 2) to identify the main features of curricular renewal and organizational solutions in religious educational institutions; 3) to summarize the principal limitations and effects of the ongoing transformations. The materials of the study include the normative legal acts of the Republic of Uzbekistan, presidential decrees and resolutions, policy documents in the sphere of religious education, curricula of Islamic educational institutions, official statistical data, materials published by relevant institutions, as well as works by domestic and foreign scholars. The methods employed in the study include qualitative document analysis, a comparative-institutional approach, content analysis of educational programs, and the generalization of statistical data. As a result, the study demonstrates that the contemporary system of Islamic education in Uzbekistan constitutes a centralized, multi-level model of continuous training that combines confessional tradition, reliance on the Hanafi-Maturidi heritage, the inclusion of secular disciplines, the digitalization of the educational process, and intensified state control. The conclusions are as follows: 1) a transition from a fragmented network of religious educational institutions to an institutionally ordered system coordinated by relevant confessional and state structures has been traced;

2) a normatively fixed combination of religious and secular disciplines has been identified, together with the expansion of women's education and the digital segment of instruction; 3) the limitations of this model have been generalized, including staffing deficits, territorial unevenness, and the administrative dependence of religious education on the state's confessional policy. These conclusions are falsifiable and may be revised if independent fieldwork, interviews with teachers and students, graduate employment data, or external assessments of teaching quality reveal a lower degree of centralization, a different curricular balance, or a weaker impact of state oversight than that reflected in the official and institutional sources used in this study.

Keywords: Islamic education, Uzbekistan, religious reforms, Maturidism, state–religion relations, religious modernization

Acknowledgements: This article was prepared in fulfillment of the state assignment to the “State and Religion in Asia” Center of the Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (project FMSF-2025-0001 “State-Religious Relations in Contemporary Asian Countries: Legal, Historical-Cultural, and Philosophical-Theological Aspects”).

For citation: Prokopenko, T. P. (2026) ‘Contemporary System of Islamic Education in Uzbekistan in the Context of Institutional Reforms’, *Concept: Philosophy, Religion, Culture*, 10(3), pp. 72–85. (In Russian). <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2026-3-39-72-85>

Введение

Современная система исламского образования в Узбекистане формируется на фоне масштабных реформ религиозной сферы, инициированных после 1991 г. После обретения независимости страна сохраняет светский характер государства и разделяет религию и светское образование: согласно закону «О свободе совести и религиозных организациях»¹, система образования отделена от религии. Будучи единственной страной, которая граничит со всеми другими странами Центральной Азии, а также с Афганистаном, социальная сплочённость Узбекистана фактически является одним из важнейших условий мира в регионе².

Кроме основного значения — подготовки кадров для воспроизводства исламских организаций, дополнительное

значение исламского образования в Узбекистане заключается в его символической функции — укреплении культурной и религиозной идентичности. Как отмечают А. И. Джамиль и О. Мухаммадиев, исламское образование в Узбекистане рассматривается не только как средство передачи знаний, но и как культурно-символический ресурс, обеспечивающий легитимацию национального дискурса модернизации, построенного на принципе синтеза традиции и прогресса [Jamil, Mukhammadiev, 2025: 1393, 1396].

Исходя из этого, новая правительственная политика направлена на развёртывание интегрированной структуры исламского образования, учитывающей национально-религиозные традиции (ханафитский мазхаб и матуридитская богословская школа³) и современную государственную идеологию.

¹ Ст. 8. Закон Республики Узбекистан «О свободе совести и религиозных организациях» от 05.07.2021 № ЗРУ-699 // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. 2021. URL: <https://lex.uz/docs/5491541>

² The Political Economy of Society and Education in Central Asia A Scoping Literature Review: PEER Working Paper 2 / A. Tabaeva, V. Ozawa, N. Durrani, H. Thibault. Astana: Nazarbayev University, 2021. P. 41. URL: https://peernetworkgrcf.org/wp-content/uploads/2021/06/Scoping-Review_Final_23-June-2021.pdf

³ Исследователи отмечают в том числе высокий уровень терпимости, свойственный ханафитскому мазхабу, что в контексте среднеазиатской религиозной ситуации, характеризующейся длительным сосуществованием друг с другом совершенно разных исламских традиций, содействует веротерпимости (Ислам. Энциклопедический

Существующие исследования, как правило, сосредоточены либо на отдельных исламских учебных заведениях и направлениях подготовки, либо на более широких вопросах государственной политики в религиозной сфере. В этой связи данная статья направлена на целостное описание современной институциональной конфигурации исламского образования в Узбекистане. Для достижения поставленной цели последовательно рассматриваются три взаимосвязанных аспекта: трансформация институциональной структуры исламского образования в постсоветский период, обновление учебных планов и организационных форм религиозного образования, а также основные ограничения и эффекты реформ, наиболее отчетливо проявившихся после 2017 г.⁴

Источниковую базу статьи составили нормативно-правовые акты Республики Узбекистан, президентские указы и постановления, концептуальные документы в сфере религиозного образования (например, Концепция высшего образования до 2030 г.) и «дорожные карты» (например, по изучению учения Имама Матуриды 2020–2024 гг.)⁵, официальные сведения о сети религиозных учебных заведений, учебные планы и описания образовательных программ, материалы профильных учреждений, а также исследования российских, узбекских и зарубежных авторов. При отборе публикаций учитывались их тематическая релевантность для реконструкции институциональных изменений, возможность сопоставления нормативных предписаний с организационной практикой и хронологическая привязка к постсоветскому периоду, прежде всего к реформам после 2017 г. Методологически работа опирается на качественный анализ документов,

сравнительно-институциональный подход, контент-анализ образовательных программ и обобщение доступных статистических данных.

Институциональная трансформация исламского образования в Узбекистане

Исторически Узбекистан играл ключевую роль в исламском образовании региона, будучи в советский период единственным центром профессиональной подготовки кадров благодаря функционированию медресе «Мир-Араб» (с 1946 г.) и Ташкентского исламского института им. Имама Бухари (с 1971 г.).

Переход от советской модели к новой системе исламского образования сопровождался не только институциональной реструктуризацией, но и переосмыслением самого статуса религиозных знаний. В первые годы независимости Узбекистана религиозное образование воспринималось государством в контексте духовного возрождения, но одновременно с этим — как потенциально уязвимое поле в условиях политической нестабильности в регионе. В связи с этим государственная политика балансировала между необходимостью поддерживать исламские учреждения как элемент национальной культуры и стремлением контролировать их развитие.

С момента обретения независимости Узбекистан инициировал процесс духовно-просветительского возрождения, отвечающий вызовам нового времени и направленный на гармонизацию религиозных традиций и государственных образовательных стандартов [Агзамходжаев, 2010: 125]. В Узбекистане сформирована законодательная база, закрепляющая свободу совести и регулирующая отношения государства с религиозными

словарь / под ред. С.М. Прозорова. Москва: Наука, 1991. С. 273). Что касается отношения к знанию в матуридизме, стоит отметить, что «Книга единобожия» самого аль-Матуриды начинается с изложения теории знания, одним из трёх источников которого становится правильное размышление [Роузентал, 1978: 208, 212], т.е. акцент сделан на интеллектуальной составляющей.

⁶ Реформы в сфере религиозного образования в Узбекистане: реалии и перспективы // Генеральное Консульство Республики Узбекистан в городе Актау. 2024. URL: <https://uzconsulate-aktau.kz/2024/реформы-в-сфере-религиозного-образов/>

организациями. Фундамент данной правовой системы составили Конституция Республики Узбекистан⁶, законодательные акты в сфере образования, а также ряд ключевых постановлений, в числе которых: «О порядке Государственной регистрации религиозных организаций в Республике Узбекистан»⁷; «О предоставлении социальной помощи и льгот при дальнейшем совершенствовании духовно-просветительских, образовательных работ и деятельности в сфере религии»⁸; «О дальнейшем совершенствовании деятельности Комитета по делам религий при Кабинете Министров Республики Узбекистан»⁹; «Об утверждении положения о лицензировании деятельности религиозных образовательных учреждений»¹⁰. Опорным нормативно-правовым актом явился закон «О свободе совести и религиозных организациях»¹¹, установивший принцип отделения религии и религиозных объединений от государства, а также недопустимость предоставления преимуществ либо установления ограничений для какой-либо отдельной религии. На его основе была выстроена устойчивая правовая конструкция, гарантирующая гражданам возможность самостоятельно определять и выражать

своё отношение к религии, реализовывать свободу вероисповедания и отправления религиозных обрядов, получать религиозное образование, а также обеспечивающая правовое регулирование деятельности религиозных организаций. [Халилова, 2021: 210–211].

Значимым этапом в процессе упорядочивания религиозной сферы стала проведённая государством перерегистрация всех религиозных организаций, включая конфессиональные образовательные учреждения. К 1992 г. в Узбекистане действовало более 100 медресе, из которых лишь 20 подчинялись УМУ. Для упорядочивания их работы государство усилило законодательство о регистрации и лицензировании религиозных учебных заведений [Агзамходжаев, 2010: 127].

Существенным этапом развития системы стал фокус на подготовке компетентных кадров. Согласно Постановлению Кабинета министров Республики Узбекистан «О предоставлении социальной помощи и льгот при дальнейшем совершенствовании духовно-просветительских, образовательных работ и деятельности в сфере религии»¹², дипломы выпускников Ташкентского исламского института

⁷ Постановление Президента Республики Узбекистан «О мерах по образованию Международного научно-исследовательского центра Имама Матуриди» от 11.08.2020 № ПП-4802 // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. 2020. URL: <https://www.lex.uz/uz/docs/4945429>

⁸ Версия 1992 года: Конституция Республики Узбекистан от 08.12.1992 // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. URL: <https://lex.uz/docs/35869>; Современная версия: Конституция Республики Узбекистан от 01.05.2023 // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. URL: <https://lex.uz/docs/6445147>

⁹ Постановление Кабинета Министров Республики Узбекистан «О порядке государственной регистрации религиозных организаций» от 20.06.1998 г. № 263 // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. URL: <https://lex.uz/docs/832189> (утратило силу в соответствии с постановлением Кабинета Министров Республики Узбекистан от 31 мая 2018 года № 409 «Об утверждении положения правил регистрации прекращения и перерегистрации, религиозных организаций в Республики Узбекистан»).

¹⁰ Постановление Кабинета Министров Республики Узбекистан «О предоставлении социальной помощи и льгот при дальнейшем совершенствовании духовно-просветительских, образовательных работ и деятельности в сфере религии» от 22.08.2003 г. № 364 // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. URL: <https://lex.uz/docs/866950>

¹¹ Постановление Кабинета Министров Республики Узбекистан «О дальнейшем совершенствовании деятельности Комитета по делам религий при Кабинете Министров Республики Узбекистан» от 23.04.2004 г. № 196 // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. URL: <https://lex.uz/ru/docs/295064> (утратило силу в соответствии с постановлением Кабинета Министров Республики Узбекистан от 23 ноября 2019 года № 946 «Об утверждении Положения о Комитете по делам религий при Кабинете Министров Республики Узбекистан»).

¹² Постановление Кабинета Министров Республики Узбекистан «Об утверждении положения о лицензировании деятельности религиозных образовательных учреждений» от 01.03.2004 г. № 99 // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. URL: <https://lex.uz/docs/1149302?ONDATE=16.06.2020> (утратит силу с 1 сентября 2024 года в соответствии с постановлением Кабинета Министров Республики Узбекистан от 6 мая 2024 г. № 266 «О признании утратившими силу некоторых решений Правительства Республики Узбекистан»).

и средних специальных религиозных учебных заведений, где преподаются как религиозные, так и светские предметы, были приравнены к государственным документам об образовании [Агзамходжаев, 2010: 127]. Тем самым религиозное образование было частично интегрировано в светский кадровый рынок, что стало особенностью узбекской модели исламского образования в постсоветский период [Muminov, Gafurov, Shigabdinov, 2009: 259]. Также одним из вариантов решения кадрового вопроса стала отправка студентов за рубеж на обучение не только в мировые исламские образовательные центры, но и в малоизвестные учебные заведения [Гафуров, 2018: 46].

Помимо этого, согласно постановлению¹³, медресе, прошедшие государственную регистрацию как объекты религиозного культурного наследия, были переданы в ведение УМУ. Кроме того, религиозные организации стали оплачивать коммунальные услуги по тарифам для физических лиц, а высвобождаемые средства и благотворительные поступления стали направляться на ремонт мечетей, укрепление учебно-материальной базы учебных заведений и материальное стимулирование имам-хатибов и преподавателей (мударрисов) [Агзамходжаев, 2010: 127–128].

Конфессиональный сегмент современной системы исламского образования в Узбекистане представлен несколькими типами учебных заведений, координируемых УМУ. Наряду с ним действует государственно-академический сегмент,

ключевым звеном которого стала Международная исламская академия Узбекистана.

По состоянию на 2021 г. под ведением УМУ находится 13 учебных заведений, из которых 3 — высших (Ташкентский исламский институт им. Имама Бухари, Высшее медресе «Мир Араб», Исламский институт имени Имама Термизи) и 10 средних специальных.¹⁴ Последние включают, помимо мужских медресе, два женских медресе — «Хадичаи Кубро» (Ташкент) и «Джуйборий Калон» (Бухара)¹⁵. Следует учитывать, что указанная цифра относится именно к сети учебных заведений УМУ; МИАУ при этом представляет собой отдельное государственно-академическое звено современной системы исламского образования.

Ключевым шагом реформ стало создание Международной исламской академии Узбекистана (далее — МИАУ), которая объединила ранее разрозненные звенья образования. По указу президента от 16 апреля 2018 г. была одобрена организация МИАУ «на базе Ташкентского исламского университета (далее — ТИУ) и Исламской академии Узбекистана»¹⁶. Академия начала работу с 2018 г., объединив функции обоих этих вузов. В составе МИАУ функционирует Центр повышения квалификации (преемник системы переподготовки духовных кадров) и сеть региональных филиалов — в Республике Каракалпакстан, Самаркандской, Наманганской и Сурхандарьинской областях¹⁷, что расширило географию доступа к исламскому высшему образованию. По официальной

¹³ Имеется в виду Закон Республики Узбекистан «О свободе совести и религиозных организациях» от 14.06.1991 г. № 289-XII // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. URL: <https://lex.uz/docs/65025> (утратил силу в соответствии с Законом Республики Узбекистан от 5 июля 2021 г. № ЗРУ-699 «О свободе совести и религиозных организациях»).

¹⁴ Постановление Кабинета Министров Республики Узбекистан «О предоставлении социальной помощи и льгот при дальнейшем совершенствовании духовно-просветительских, образовательных работ и деятельности в сфере религии» от 22.08.2003 г. № 364 // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. URL: <https://lex.uz/docs/866950>

¹⁵ Там же.

¹⁶ Черногаев М. Законодательно определён порядок получения религиозного образования / Правда Востока // Янги Ўзбекистон. 2021. 20 окт. URL: <https://yuz.uz/ru/news/zakonodatelno-opredelen-poryadok-polucheniya-religioznogo-obrazovaniya>

¹⁷ Исламское образование в Республике Узбекистан // Россия — Исламский мир. Группа стратегического видения. 2023. 27 окт. URL: <https://russia-islworld.ru/kultura/islamskoe-obrazovanie-v-respublike-uzbekistan-2023-10-27-37155/>

информации, лишь за первые годы после объединения в штате Академии трудились 194 преподавателя, из них более 125 имеют учёные степени (28 докторов наук, 97 кандидатов)¹⁸.

Наряду с МИАУ продолжает работу прежний Ташкентский исламский институт им. Имама Бухари, являющийся единственным исторически действующим исламским вузом в СНГ¹⁹. Также функционируют самостоятельные учебные комплексы, специализированные на разных направлениях: например, Высшее медресе «Мир Араб» в Бухаре (восстановлено в 2017 г., считается первым высшим медресе при УМУ)²⁰ и Школа хадисоведения в Самарканде, запущенная по инициативе президента и ориентированная на подготовку специалистов по хадисоведению²¹. Кроме того, в сопряжённой научно-просветительской инфраструктуре действуют Международный исследовательский центр Имама Бухари, Международный научно-исследовательский центр Имама Термизи, а также Международный исследовательский центр имама Матуриды, созданный в 2020 г. при МИАУ. Все эти структуры осуществляют научную работу и переподготовку кадров в религиозной сфере, открывая курсы и конференции для духовенства из Центральной Азии и других регионов.

Таким образом, в постсоветский период система исламского образования в Узбекистане эволюционировала от относительно разрозненной сети религиозных учебных заведений к более упорядоченной и координируемой институциональной модели.

Обновление учебных планов и организационных форм религиозного образования

Новые образовательные учреждения работают по обновлённым учебным планам, призванным сочетать религиозные и светские компоненты. Согласно утверждённым мероприятиям реформы, в программах вузов введены курсы научного изучения Корана и ислама (имеется в виду более академическое изучение священного текста ислама, чем это принято на уровне медресе), увеличивается число светских предметов (религиоведения, психологии, педагогики, языков, обществознания, информационно-коммуникационных технологий)²².

Современная модель исламского образования в Республике Узбекистан предполагает нормативно закреплённое соотношение религиозных и светских дисциплин в пропорции 60:40. Структура образовательных программ сочетает блок общеобразовательных предметов с курсами, ориентированными на изучение исламских наук, а также включает элементы профессиональной подготовки в сфере традиционных ремёсел [Агзамходжаев, 2010: 132–133].

С 2000/2001 учебного года в женских средних специальных исламских учебных заведениях внедрены образовательные стандарты и учебные планы, разработанные Центром профессионального образования Министерства высшего и среднего профессионального образования совместно с отделом Государственных

¹⁸ Указ Президента Республики Узбекистан «О мерах по коренному совершенствованию деятельности в религиозно-просветительской сфере» от 16.04.2018 № УП-5416 // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. URL: <https://lex.uz/docs/3686283>

¹⁹ Реформы в сфере религиозного образования...

²⁰ Там же.

²¹ Исламское образование...

²² Реформы в сфере религиозного образования...

образовательных стандартов, что обеспечило преемственность образования и возможность выпускниц продолжать обучение в светских вузах [Халилова, 2021: 211]. В 2017 г. в «Хадичай Кубро» учебные планы были усовершенствованы в целях повышения интеграции женщин в общество: увеличено количество часов на социально-гуманитарные науки и введены новые предметы (правовые основы органов самоуправления, семейное право, семейная психология, возрастная физиология и гигиена, методика духовно-просветительской работы). С 2018 г. также были организованы трёхмесячные курсы по основам арабского языка [Халилова, 2021: 211–212].

В рамках государственной политики особое внимание уделяется подготовке специалистов в области исламского источниковедения. В 2017 г. были приняты ключевые нормативные акты, в том числе Постановление Президента Республики Узбекистан «О мерах по дальнейшему совершенствованию системы хранения, исследования и пропаганды древних письменных памятников»²³ и «О мерах организации Центра исламской культуры при Кабинете Министров Республики Узбекистан»²⁴. Последний документ предусматривал создание в Ташкенте Центра исламской культуры как многофункционального комплекса, объединяющего научные, музейные и просветительские подразделения. Среди приоритетных инициатив были заявлены: преобразование медресе «Мир Араб» в Бухаре в одноимённое высшее учебное заведение для подготовки исламоведов-источниковедов; организация филиалов Ташкентского исламского университета при Бухарском и Термезском государственных университетах для подготовки историков и специалистов по источниковедению; формирование пяти специализированных научных школ — хадисоведения и теологии (Самарканд),

исламского права (Фергана), суфизма (Бухара) и теологии (Карши) [Исламов, 2018: 196–197].

Отдельно следует отметить, что в узбекском исламе сохраняется значимый историко-культурный пласт, связанный с суфийскими традициями, прежде всего йасавиййа и накшбандиййа. Для темы настоящей статьи это важно постольку, поскольку современная институциональная инфраструктура религиозного просвещения апеллирует и к данному наследию: в частности, школа тасаввуфа действует при Центре Бахауддина Накшбанда в Бухаре. Тем самым суфийская традиция выступает не самостоятельным уровнем системы исламского образования, а одним из элементов её исторической и символической легитимации.

В 2017 г. в структуре УМУ была сформирована сеть профильных исламских научных школ, охватывающая ключевые направления религиозного знания. В её состав вошли: школа исламского права (фикх) в Фергане, функционирующая на базе Центра Бурханиддина ал-Маргинани; школа хадиса в Самарканде при Центре ал-Бухари; две школы исламской теологии (акида) — в Самарканде (Центр Имама ал-Матуриди) и Кашкадарьинской области (Центр Абул-Муина ан-Насафи); школа тасаввуфа (суфизма) в Бухаре при Центре Бахауддина Накшбанда. Реализация данного проекта стала одним из этапов институционализации исламского образования в стране [Гафуров, 2018: 52].

При этом обновление программ ориентировано не на произвольную теологическую плюрализацию, а на воспроизводство нормативно поддерживаемой ханафитской правовой и матуридитской богословской традиции, что проявляется как в профилизации учебных дисциплин, так и в институциональной поддержке соответствующих научных школ.

²³ Реформы в сфере религиозного образования...

²⁴ Там же.

²⁵ Постановление Президента Республики Узбекистан «О мерах по дальнейшему совершенствованию системы хранения, исследования и пропаганды древних письменных источников» от 24.05.2017 г. № ПП-2995 // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. URL: <https://lex.uz/docs/3211984>

В учебные планы вузов введён новый спецкурс «Учение матуридизма и современные догматические воззрения» в соответствии с «Дорожной картой» изучения имама Матуриди (принятой президентом Узбекистана 11 августа 2020 г.)²⁵. Особое внимание уделяется интеграции исламской теологии с гуманитарными и точными науками: студенты изучают богословие наряду с основами естественных наук, информатики, иностранных языков [Исламов, 2018: 195–196] и даже таких прикладных дисциплин, как швейное дело и кулинария (для женских медресе) [Халилова, 2021: 211–212].

Важным направлением модернизации является внедрение цифровых инструментов. Так, МИАУ запустила облачную платформу Moodle, обеспечивающую доступ к электронным учебным ресурсам, проведение видеоконференций и онлайн-форумов. Однако сохраняются системные проблемы в преподавании информационно-коммуникационных технологий: занятия зачастую ведутся без необходимого оборудования из-за финансовых ограничений, дефицита технической компетентности педагогов и нехватки времени на подготовку цифровых материалов [Dadamuxamedov, 2020: 91]. Тем не менее методически учебный процесс всё более опирается на информационные технологии и электронные ресурсы: так, МИАУ и другие исламские вузы участвуют в проектах Министерства высшего образования по созданию мобильных приложений и электронных курсов (например, по истории мировых религий). Разрабатываются новые учебные пособия: учебники по «Сравнительному религиоведению», «Философии ислама», монографии по истории ислама в Азии и др.²⁶. С 2018 г. начал выходить ряд научных журналов (мультиязычный «Ислом зиёси», узбекскоязычный «Ислом тафаккури» и журнал «Матуридийлик»), ориентированных на публикацию исследований по исламоведению и истории религии.

Таким образом, обновление учебных планов и организационных форм религиозного образования в Узбекистане выразилось в нормативном сочетании религиозных и светских дисциплин, усилении подготовки по классическим исламским источникам и ханафитско-матуридитской традиции, расширении женского образования и постепенном внедрении цифровых инструментов обучения.

Эффекты и ограничения реформ в сфере исламского образования

Анализ литературы и официальных источников позволяет выделить несколько ключевых результатов реформы исламского образования в Узбекистане.

Эффекты реформ исламского образования в Узбекистане проявились прежде всего не в простом количественном расширении сети, а в её *институциональном упорядочении, специализации и усилении преемственности между уровнями подготовки*. По имеющимся официальным данным, к 2021 г. под ведением Управления мусульман Узбекистана функционировали 13 религиозных учебных заведений, включая 3 высших и 10 средних специальных²⁷, причём внутри этой сети были закреплены различные профили подготовки — от классического богословского образования до хадисоведения, источниковедения и повышения квалификации. В этом смысле реформы обозначили переход от достаточно фрагментированной конфигурации к более чётко координируемой системе подготовки религиозных кадров.

Одним из важных результатов стало *создание непрерывной системы подготовки кадров*. В ходе реформ усилия были направлены на «обеспечение органичной связи между высшими и средними религиозными учебными заведениями». Практически это реализовано через привязку приёмных кампаний и учебных планов: выпускники средних медресе могут

²⁶ Постановление Президента Республики Узбекистан «О мерах по образованию Международного научно-исследовательского центра Имама Матуриди» от 11.08.2020 № ПП-4802...

²⁷ Черногаев.

поступать в исламские вузы без утраты академического статуса, а курсы повышения квалификации служат связующим звеном между религиозными учебными заведениями и обществом (через семинары для имамов и просветителей)²⁸. Таким образом, создан непрерывный образовательный маршрут, чего не было в предыдущие годы.

Также стоит отметить *усилия по гармонизации религиозного и светского компонентов*. Учебные планы переработаны в сторону баланса «религиозных и светских знаний». Усилена стандартизация преподавания религиозных дисциплин, внедрены электронные образовательные технологии, расширено изучение иностранных языков и социальных дисциплин²⁹.

В учебный план религиозных образовательных учреждений были включены дисциплины, посвященные истории ислама, формированию культуры толерантности и противодействию экстремизму. Особое место уделено изучению учения имама Матуриди (автора знаменитой «Китаб аль-таухид»): курсы «Матуридизм и современные догматические воззрения» введены во все религиозные вузы в рамках «дорожной карты» поддержания учения Матуриди³⁰.

Кроме того, исламоведение как академическая дисциплина представлено в МИАУ — кафедры сравнительного религиоведения и восточной цивилизации активно исследуют религиоведческие темы и издают соответствующие учебники.

Помимо прочего, заметно *активное стремление к привлечению международных организаций*. На базе МИАУ учреждена кафедра ЮНЕСКО по сравнительному изучению мировых религий, что свидетельствует о стремлении интегрировать узбекскую религиоведческую науку в глобальное сообщество. МИАУ также сотрудничает с Исламской организацией по вопросам

образования, науки и культуры (далее — ISESCO) и другими исламскими структурами (например, создана кафедра ISESCO по изучению исламской цивилизации при ТИИ). Эта открытость отражает изменение государственной модели: если раньше религиозные вузы держались в относительной изоляции, то теперь они активно обмениваются опытом с зарубежными вузами и участвуют в международных проектах (конференциях, грантах и т. д.)³¹.

Также видна *активная работа с социально-педагогическими практиками*. В медресе и исламских вузах уделяется внимание воспитательной работе: регулярные духовно-нравственные мероприятия, лекции по толерантности, уроки истории мировых религий, которые проводятся как для студентов, так и для учащихся школ (на предмете «Основы духовности» и др.). Подготовленные преподаватели религиоведения привлекаются в общеобразовательные школы и академические лицеи для преподавания «Основ религиоведения» и «Духовно-просветительских основ борьбы с экстремизмом». В совокупности это позволяет государству заявлять о воспитании «духовно-просветительского общества» и укреплении в стране традиций умеренного ислама.

По оценке А. И. Джамиля и О. Мухаммадиева, реформы исламского образования в Узбекистане после 2016 г. могут рассматриваться в контексте «нового узбекского гуманизма», предполагающего включение исламских ценностей в национальный культурный проект. Эти исследователи также связывают развитие исламского образования с влиянием государственной идеологии, ориентированной на консервативный модернизм, в рамках которого традиция адаптируется к целям одобряемой государством модернизации [Jamil, Mukhammadiev, 2025: 1398].

²⁸ Реформы в сфере религиозного образования...

²⁹ Religious tolerance and interfaith consent in Uzbekistan // The Permanent Mission of the Republic of Uzbekistan to the United Nations. URL: <https://www.un.int/uzbekistan/news/religious-tolerance-and-interfaith-consent-uzbekistan>

³⁰ Постановление Президента Республики Узбекистан «О мерах по образованию Международного научно-исследовательского центра Имама Матуриди» от 11.08.2020 № ПП-4802...

³¹ Реформы в сфере религиозного образования...

Однако несмотря на ряд объективных позитивных изменений, система исламского религиозного образования в Узбекистане не продолжает обладать рядом минусов.

Во-первых, *географическая доступность исламского образования*, судя по расположению высших учебных заведений в стране, *остаётся ограниченной*: исламские университеты и медресе, как и светские вузы, вероятно, сосредоточены в городских центрах. Это создаёт существенные барьеры для сельской молодёжи, составляющей 49% населения. Особенно это касается девушек, чьи родители в сельской местности часто неохотно отправляют их на учёбу в отдалённые города. Данная ситуация может способствовать сохранению или усилению гендерного дисбаланса в сфере образования в целом, где доля женщин в высших учебных заведениях составляет лишь 38.2%³².

Во-вторых, преподавание в исламских учебных заведениях продолжает сталкиваться с рядом проблем, включая всё ещё *ограниченные возможности академического роста и фрагментарную институциональную поддержку* [Dusanov, Mallabaev, 2021]. Важным системным вызовом остаётся также *проблема трудоустройства выпускников религиозных учебных заведений*. Как отмечают исследователи, выпускники (особенно средних и высших учреждений) зачастую не находят работу, соответствующую их квалификации и ожиданиям, а служение в небольших мечетях не обеспечивает их базовых материальных потребностей [Муртазин, 2019: 100].

При этом *государственный контроль над исламским образованием* остаётся строгим. Несмотря на то, что около 90% населения исповедует ислам, доступ к специализированному религиозному обучению ограничен. Эта политика, ужесточившаяся после терактов 1999 г. в Ташкенте, направлена

на предотвращение радикализации. Ислам в общеобразовательных школах преподаётся в рамках изучения истории и национальных ценностей наряду с другими мировыми религиями (христианство, индуизм, иудаизм), а не как предмет религиозного культа. Примечательно, что, хотя большинство населения воспринимает ислам прежде всего как маркер национальной идентичности (ценности и традиции), 54% граждан высказываются за введение исламских дисциплин в программу государственных школ³³.

Судя по содержанию нормативных документов и официальной аргументации реформ, одной из предполагаемых задач преобразований является *снижение рисков радикализации в религиозной среде*. Эта задача решается прежде всего через институционализацию и стандартизацию подготовки, сочетание религиозных и светских дисциплин, а также поддержку традиционного для страны ханафитско-матуридского богословия. Вместе с тем степень фактической эффективности такой политики требует самостоятельной эмпирической проверки.

Поэтому выявленные тенденции расширения сети медресе, академических структур и программ повышения квалификации можно рассматривать и в контексте профилактики радикализма. Однако подобная интерпретация носит аналитический характер и не отменяет выявленных ограничений: основная информация поступает из официальных и аффилированных источников, вследствие чего независимая оценка качества преподавания и реальных общественных эффектов реформ пока затруднена.

Полученные данные подтверждают, что государственная политика Узбекистана в религиозной сфере направлена на создание управляемой

³² The Political Economy of Society..., p. 40.

³³ IBID.

и последовательной системы исламского образования. Это соответствует общей стратегии пяти приоритетов развития Узбекистана³⁴, где просвещение и стабильность в духовной сфере стоят в одной плоскости. Ключевой вывод обзора — узбекская модель исламского образования построена на интеграции с национальными институтами: отдельные религиозные учебные заведения и их выпускники получили нормативно закреплённое признание дипломов на уровне государственных документов об образовании³⁵.

Выявленные тенденции расширения сети медресе и академий можно рассматривать в контексте борьбы с радикализмом. Поддержка традиционного (ханафитско-матуридского) богословия и просветительская работа среди молодёжи — это часть более широкой государственной программы религиозного просвещения. Можно констатировать, что в Узбекистане создаётся непрерывная образовательная траектория: о подготовки учителей религиоведческих дисциплин в медресе до выпуска докторов философии по исламоведению в МИАУ. Тем не менее, анализ выявил и ограничения: основная информация поступает из официальных и дружественных источников, поэтому независимая оценка качества преподавания и реальных общественных эффектов реформ пока затруднена. Эта особенность работы требует дополнительного изучения, как и влияние новых курсов (например, по матуридизму) на мировоззрение студентов.

Заключение

Проведённый анализ позволяет сделать три основных вывода. Во-первых, в постсоветский период, особенно после 2017 г., исламское образование в Узбекистане прошло путь от относительно разрозненной сети религиозных учебных заведений к более упорядоченной многоуровневой системе, координируемой Управлением мусульман Узбекистана и профильными государственными структурами. Во-вторых, обновление системы затронуло не только её организационную форму, но и содержание подготовки: в учебных планах закреплёно сочетание религиозных и светских дисциплин, усилен акцент на ханафитско-матуридском наследии, расширены возможности женского образования и внедряются цифровые инструменты обучения. В-третьих, проводимые преобразования имеют характер контролируемой модернизации: наряду с институциональным упорядочением и расширением образовательной инфраструктуры сохраняются кадровые дефициты, территориальная неравномерность доступа и административная зависимость религиозного образования от государственной конфессиональной политики. Вместе с тем сделанные выводы опираются преимущественно на нормативные документы, официальные материалы и аффилированные источники, поэтому дальнейшие исследования требуют получения независимых эмпирических данных, включая интервью, полевые наблюдения и оценку образовательных траекторий выпускников.

Список литературы:

Агзамходжаев С. Современное состояние исламского образования в Узбекистане // Россия и мусульманский мир. — 2010. — № 11. — С. 124–133.

Гафуров У. Т. История формирования и перспективы развития системы исламского образования управления мусульман Узбекистана // Россия и мусульманский мир. — 2018. — № 1. — С. 39–53.

³⁴ Указ Президента Республики Узбекистан «О Стратегии действий по дальнейшему развитию Республики Узбекистан» от 07.02.2017 г. № УП-4947 // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. URL: <https://lex.uz/docs/3107042>

³⁵ Исламское образование...

Исламов З. М. Исламское образование в Узбекистане: история, современность и перспектива // Исламский фактор в интеграционных процессах Великого Шелкового пути. — Москва: Исламская книга, 2018. — С. 189–197.

Муртазин М. Ф. О системе исламского образования на постсоветском мусульманском пространстве // Россия и новые государства Евразии. — 2019. — № 2. — С. 88–102. <https://doi.org/10.20542/2073-4786-2019-2-88-102>

Роузентал Ф. Торжество знания: концепция знания в средневековом исламе. — Москва: Наука, 1978. — 372 с.

Халилова З. Э. Исламское образование женщин в Узбекистане: история и современность // II Международный форум «Богословское наследие мусульман России». — Казань: МедДок, 2021 — С. 208–213.

Dadamuxamedov A. I. Methods of using cloud technologies in Islamic education institutions // International Journal of Innovations in Engineering Research and Technology. — 2020. — Vol. 7, № 5. — P. 89–98. <https://repo.ijert.org/index.php/ijert/article/view/426>

Dusanov S. M., Mallabaev, A. Importance and role of financing of religious educational institutions in the development of religious enlightenment // SAARJ Journal on Banking & Insurance Research. — 2021. — Vol. 10, No 4. — P. 35–49. <https://doi.org/10.5958/2319-1422.2021.00030.8>

Jamil A. I., Mukhammadiev O. Shaping a progressive Islamic education in Uzbekistan: Balancing tradition and modernization, and the influence of Mahmudkhoja Behbudi // Al-Irsyad: Journal of Islamic and Contemporary Issues. — 2025. — Vol. 10, № 1. — P. 1391–1407. <https://doi.org/10.53840/alirsyad.v10i1.488>

Muminov A., Gafurov U., Shigabdinov R. Islamic education in Soviet and post-Soviet Uzbekistan // Islamic education in the Soviet Union and its successor states. — London: Routledge, 2009. — P. 223–279. <https://doi.org/10.4324/9780203027929-10>

References:

Agzamkhodjaev, S. (2010) 'Sovremennoe sostoyanie islamskogo obrazovaniya v Uzbekistane' [The current state of Islamic education in Uzbekistan], *Russia and the Moslem World*, (11), pp. 124–133. (In Russian)

Dadamuxamedov, A. I. (2020) 'Methods of using cloud technologies in Islamic education institutions', *International Journal of Innovations in Engineering Research and Technology*, 7(5), pp. 89–98. <https://repo.ijert.org/index.php/ijert/article/view/426>

Dusanov, S. M. and Mallabaev, A. (2021) 'Importance and role of financing of religious educational institutions in the development of religious enlightenment', *SAARJ Journal on Banking & Insurance Research*, 10(4), pp. 35–49. <https://doi.org/10.5958/2319-1422.2021.00030.8>

Gafurov, U. T. (2018) 'Istoriya formirovaniya i perspektivy razvitiya sistemy islamskogo obrazovaniya upravleniya musul'man Uzbekistana' [The history of the formation and prospects for the development of the Islamic education system for the administration of Muslims in Uzbekistan], *Russia and the Moslem World*, (1), pp. 39–53. (In Russian)

Islamov, Z. M. (2018) 'Islamskoye obrazovaniye v Uzbekistane: istoriya, sovremennost i perspektiva' [Islamic education in Uzbekistan: history, present, and future], In *Islamskiy faktor v integratsionnykh protsessakh Velikogo Shelkovogo puti* [The Islamic factor in the integration processes of the Great Silk Road]. Moscow: Islamskaya kniga Publ., pp. 189–197. (In Russian).

Jamil, A. I., and Mukhammadiev, O. (2025) 'Shaping a progressive Islamic education in Uzbekistan: Balancing tradition and modernization, and the influence of Mahmudkhoja Behbudi', *Al-Irsyad: Journal of Islamic and Contemporary Issues*, 10(1), pp. 1391–1407. <https://doi.org/10.53840/alirsyad.v10i1.488>

Khalilova, Z. E. (2021) 'Female Islamic Education in Uzbekistan: History and Modernity', In *II Mezhdunarodnyy forum "Bogoslovskoe nasledie musul'man Rossii"* [II International Forum 'Theological Heritage of Muslims of Russia']. Kazan: Meddok Publ., pp. 208–213. (In Russian).

Muminov, A., Gafurov, U. and Abdullaev, R. (2009) 'Islamic education in Soviet and post-Soviet Uzbekistan', In *Islamic Education in the Soviet Union and Its Successor States*. London: Routledge, pp. 223–279. Available at: <https://doi.org/https://doi.org/10.4324/9780203027929>

Murtazin, M. (2019) 'On the System of Islamic Education in the Post-Soviet Moslem Space', *Russia and New States of Eurasia*, (2), pp. 88–102. (In Russian). <https://doi.org/10.20542/2073-4786-2019-2-88-102>

Rosenthal, F. (1970) *Knowledge triumphant: The Concept of Knowledge in Medieval Islam*. Leiden: Brill. (Russ. ed.: (1978) *Torzhestvo znaniya: koncepciya znaniya v srednevekovom islame*. Moscow: Nauka Publ.).

Информация об авторе

Татьяна Павловна Прокопенко — старший лаборант-исследователь центра «Государство и религия в Азии» Института Китая и современной Азии Российской академии наук, 117997, Москва, Нахимовский пр-т, 32 (Россия).

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author

Tatyana P. Prokopenko — Senior Research Assistant of the Center "State and Religion in Asia", Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences, 32, Nakhimovsky prosp, Moscow, 117997 (Russia).

Conflicts of interest. The author declares absence of conflicts of interest.

Статья поступила в редакцию 24.05.2026; одобрена после рецензирования 09.07.2026; принята к публикации 20.08.2026.

The article was submitted 24.05.2026; approved after reviewing 09.07.2026; accepted for publication 20.08.2026.